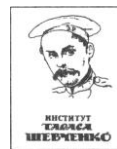

УКРАИНСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «РАДА УКРАИНЦЕВ КАЗАХСТАНА»
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ М.О. АУЭЗОВА КН МОН РК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА КН МОН РК
ШЕВЧЕНКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
«ИНСТИТУТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
ОБЩЕСТВО УКРАИНЦЕВ «ОБЕРЕГ» г. НУР-СУЛТАН

АБАЙ КУНАНБАЕВ И ТАРАС ШЕВЧЕНКО: ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

*Сборник материалов
Восьмых Международных Шевченковских чтений,
посвящённых 175-летию со дня рождения Абая,
170-летию начала пребывания Шевченко на Мангышлаке,
25-летию Ассамблеи народа Казахстана*

Нур-Султан
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРИВЕТСТВИЯ	8
АБАЙ И ШЕВЧЕНКО В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
ВАСЬКИВ Н.С. <i>«О чем говорить с человеком, не знающим цены слова?»: издание «Назиданий» Абая на украинском языке</i>	16
АНАНЬЕВА С.В. <i>Переводы произведений Абая Кунанбаева в контексте полилога культур</i>	23
ДУЙСЕН С.Ж. <i>Абай Құнанбаев және Тарас Шевченко шығармаларындағы кейбір рухани үндестіктер туралы</i>	30
ХАМРАЕВ А.Т. <i>Ритмическая трансформация стихов Абая и Шевченко в переводах на уйгурский язык</i>	35
БРИЖИЦКАЯ С.А. <i>Чествование памяти Тараса Шевченко представителями Казахстана на Тарасовой Горе</i>	39
КАМСКОВА Т.А. <i>Национальная литература как ресурс сохранения исторических и языковых традиций народов (на примере изданий Абая и Шевченко в фондах оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской)</i>	54
БОНДАРЕНКО Ю.Я. <i>Творчество Абая в свете проблемы взаимосвязи эпох и культур</i>	58
ТАРАС ШЕВЧЕНКО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА	
СЕРГИЙЧУК В.И. <i>Тарас Шевченко и Киев</i>	63
БОРОНЬ О.В. <i>Спогади Івана Клопотовського про Шевченкове перебування в Астрахані: між реальністю і вимислом</i>	73

АБАЙ И ШЕВЧЕНКО В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 821.512.122-1.09Абай

Васькив Н.С.
Киев, Украина

«О ЧЕМ ГОВОРИТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ, НЕ ЗНАЮЩИМ ЦЕНЫ СЛОВА?»: ИЗДАНИЕ «НАЗИДАНИЙ» АБАЯ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается краткая информация о переводах произведений выдающегося казахского поэта второй половины XIX – начала XX веков Абая Кунанбаева и обстоятельно характеризуется содержание книги с переводом его прозаических «Назиданий» на украинский язык. Анализируется статья Т. Масенко «Жизненный подвиг Абая Кунанбаева» (1954), высказывания видных писателей и ученых Украины об Абае и его творчестве, в частности – о «Назиданиях», нарративные и жанровые особенности и основные мотивы этого произведения. «Назидания» казахского поэта, его мысли сравниваются с произведениями и мыслями выдающегося украинского поэта И. Франко, вводятся в контекст украинской и казахской истории рубежа XIX–XX веков и современных задач, стоящих перед Украиной и Казахстаном.

Ключевые слова: Абай Кунанбаев, «Назидания» («Гаклия»), Иван Франко, нация, эссеистика, перевод.

В 2020 году славный юбилей – 175-летие со дня рождения Абая (Ибрагима) Кунанбаева (1845–1904), зачинателя и классика казахской письменной литературы, отмечают не только казахи, но и все тюркские народы мира, все человечество. Не останутся в стороне от праздничных мероприятий и украинцы, о чем, в частности, свидетельствует и издание книги Абая «Напучування» [1] («Назидания») на украинском языке. Кунанбаев всемирно известен, прежде всего, как поэт. Его поэтическое творчество пришло к украинцам в 1974 г., когда в серии «Перлини світової лірики» («Жемчужины мировой лирики») вышел в печать сборник с незатейливым названием «Поезії» [2] («Стихотворения»). Всего в книгу вошли 70 лирических произведений Абая в переводах корифеев украинской поэзии и переводческого цеха. Так, Светлана Йовенко ретранслировала на украинский язык семь стихотворений казахского классика. Владимир Забаштанский, Абрам Кацнельсон, Степан Литвин – по пять, три произведения перевел Павло Мовчан, два – Наум Тихий и много других. Результатом вдохновенного переводческого труда Владимира Коломойца стала поэма «Искандер». «Стихотворения» Абая – значительное завоевание украинского переводчества, но в юбилейный год поэта осознаем, что к настоящему времени семь десятков жемчужин его лирики на украинском языке – чрезвычайно мало, хотя они и репрезентируют надлежащим образом лирику Кунанбаева.

В тени поэтического наследия казахского автора остаются его прозаические «Назидания». Эти эссеистические размышления художника-философа, шлифованные на протяжении нескольких лет, подытоживают его размышления о политическом, культурном, образовательном состоянии и

статусе казахского этноса в мировой семье народов. Они были чрезвычайно актуальны в момент их создания, не менее, а может быть, и более актуальными остаются и до сих пор.

Открывает украинское издание «Назиданий» статья Тереня (Терентия) Масенко «Жизненный подвиг Абая Кунанбаева» [1, с. 5-20]. Т. Масенко – известный украинский поэт 1920–1960-х гг., а также исследователь литературы, в частности литератур тюркских народов, неоднократно побывавший в Центральной Азии, имевший тесные связи с писателями тюркских республик. В результате появились воспоминания, статьи, эссе о пребывании в этих республиках, о поэтах их народов, о дружбе и взаимовлиянии. Статья «Жизненный подвиг Абая Кунанбаева» была написана в 1954 г., к 50-й годовщине со дня смерти классика казахской литературы. В ее основу легли впечатления от поездки в 1939 г. на Второй съезд советских писателей Казахстана. Именно там Т. Масенко получил обширную информацию о жизни и творчестве Абая, смог познакомиться поближе с его стихотворениями и прозаическим наследием и вместе с А. Десняком, который тоже был делегатом съезда, «открыл» для украинцев Кунанбаева. До этого имя Абая разве что шло в ряду имен классиков советских национальных литератур, но кроме имен, украинские читатели почти ничего не знали об их жизни и творчестве. К тому же в советское время Кунанбаев пребывал в тени обласканного советской властью Джамбула Джабаева.

В статье об Абае Т. Масенко кратко излагает биографию казахского поэта, факты его просветительской деятельности, в духе времени акцентирует внимание на его дружбе с русскими ссыльными, на социальных мотивах его лирики. А также вспоминает о том уважении, которое имя и творчество Кунанбаева вызывали у известных казахских писателей и обыкновенных казахов. Масенко приводит в собственном переводе предсмертное стихотворение Абая, в стихах он излагает и некоторые мысли из прозаической «Гаклии» («Назиданий») [1, с. 18-19]. Под впечатлением информации о драматической жизни казахского поэта, о потере самого дорогого в его судьбе – сыновей – Терень Масенко, как он сам пишет об этом, «пересказывает в стихах» «народную легенду о смерти Абая» [1, с. 17].

Кроме текста произведений Абая и статьи Т. Масенко в книгу вошли мысли видных украинцев (всемирно известный ученый-тюрколог XIX–XX вв. Агафангел Крымский), лауреатов самой высокой украинской Национальной премии имени Тараса Шевченко (директор Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины академик Николай Жулинский, поэт Павло Мовчан, прозаик Вячеслав Медвидь, прозаик и литературовед Михаил Слабошпицкий), о творчестве гения мировой литературы, о впечатлениях от его «Назиданий» [1, с. 143-147]. Лейтмотивом этих размышлений является открытие безмерной глубины «Назиданий» – произведения поэта, чье имя дивно запечатлелось в памяти в одном ряду видных художников слова всего мира. Правда, запечатлелось общими фразами, опосредованными упоминаниями о нем, без четкой конкретизации и привязки к определенным произведениям. Поэтому «Назидания» стали для украинцев

позитивно ошеломляющими своей безграничной откровенностью, глубиной анализа, объективностью взгляда на мир, требовательностью к своей нации и к самому себе, которая не признает никаких оправданий и послаблений, весомостью образования и просвещения, важность которых автор книги отмечает в бытии каждого человека и каждой нации, акцентирует внимание на общечеловеческом их звучании.

Именно это общечеловеческое значение «Назиданий» делает книгу также очень актуальной для украинцев. Может возникнуть определенное сомнение: где казахи XIX века – и где украинцы века XXI-го. Не будем делать поспешных выводов. Вспомним для начала Ивана Яковлевича Франко.

«Прежде всего сознаемся в том грехе, что его много патриотов считает смертным моим грехом: не люблю русинов <...> Так мало среди них нашел я настоящих характеров, а так много мелочности, узкого эгоизма, двоедушности и чванства, что действительно не знаю, за что я должен бы их любить, несмотря даже на те тысячи больших и меньших шпилек, которые они, не раз с наилучшими намерениями, вбивали мне под кожу. Понятно, знаю среди русинов несколько исключений, несколько лиц чистых и достойных всякого почитания (говорю об интеллигенции, не о крестьянах), но эти исключения подтверждают общий вывод.

Признаюсь в еще большем грехе: даже нашей Руси не люблю так и в такой мере, как это делают или притворяются, что делают, патентированные патриоты. Что в ней должен любить? Чтобы любить ее как географическое понятие, для этого я слишком великий враг пустых фраз, чересчур много видел я мир, чтобы доказывать, что нигде нет такой красивой природы, как на Руси. Чтобы любить ее историю, для этого достаточно хорошо ее знаю, слишком горячо люблю общечеловеческие идеалы справедливости, братства и свободы, чтобы не ощущать, как мало в истории Руси примеров настоящего гражданского духа, настоящего самопожертвования, настоящей любви.

Нет, любить эту историю очень тяжело, потому что на каждом шагу надо бы разве что плакать над ней. Или, может, должен любить Русь как расу – эту расу обрюзгшую, неуклюжую, сентиментальную, лишенную закалки и силы воли, так мало способную к политической жизни на собственном мусорнике, а такую плодовитую на оборотней разнообразнейшего сорта? Или, может, должен любить светлое будущее этой Руси, когда этого будущего не знаю и для светлости ее не вижу никаких оснований?

<...> Мой русинский патриотизм – это не сентимент, не национальная гордость, но тяжкое ярмо, наложенное судьбой на мои плечи. Я могу содрогаться, могу тихо проклинать судьбу, положившую мне на плечи это ярмо, но сбросить его не могу, другой родины искать не могу, ибо стал бы подлым перед собственной совестью. И если что-то облегчает мне нести это ярмо, так это то, что вижу русинский народ, который, хотя угнетаемый, затемняемый и деморализованный в течение долгих веков, который, хотя и сегодня бедный, неказистый и беспомощный, а все-таки понемногу поднимается, ощущает во все более широких массах жажду света, правды и

справедливости и к ним ищет пути. Значит, стоит трудиться для этого народа, и никакой труд не будет напрасным» [3, с. 30-31].

Это 1897 год, предисловие к «Галицким образкам» под названием «Кое-что о себе самом». А вот абзацы из «Назиданий», которые Абай Кунанбаев писал на протяжении 1890–1898 гг. Например, из «Слова девятого», которое едва ли не дословно воспроизводит Франко (точнее – Иван Яковлевич едва ли не дословно воспроизводит Абая, который «Слово девятое» написал на пять лет раньше предисловия Франко): «Я сам казах. Люблю ли я казахов или не люблю? Если бы любил, одобрял бы их обычаи, нашел бы в их поведении хоть какую-то толику, приносящую бы мне радость или утешение, дававшую возможность удовлетвориться как не этими, то другими их чертами, и не погасли бы ожидания мои. Но нет этого. Если бы не любил, не начинал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, входить в их круг, интересоваться делами, расспрашивая, что там делают, что происходит, разлегся бы себе спокойно, нет – так и совсем откочевал бы от них. Надежд таких, что они изменятся или я вразумлю, исправлю их, тоже не питаю. Не ощущаю ни одного из этих чувств. Как же так? Должен бы склониться к чему-то одному.

<...> С молодых лет и не задумывался над тем, что можно оставить свой народ, любил казахов всей душой, верил в них. Когда же привелось познать людей, когда постепенно угасла моя надежда, выяснил: нет уже той силы, которая позволила бы покинуть родные края, сродниться с чужими. Поэтому в груди у меня сейчас пустота. А в общем думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: “Жаль, не привелось познать еще какую-то радость!..” Не тревожась страданиями о земном, утешаю себя надеждами на будущее» [1, с. 49-50].

Или же из «Слова четвертого»:

«Человек, склонный к размышлениям, всегда вдумчив, собран, пусть это относится к делам светским или перед судом смерти. Собранность в делах и мыслях – основа благополучия. Не означает ли это, что мы должны постоянно пребывать в скорби? Разве может душа лишь печалиться, не зная веселья и смеха? Нет, я совсем не за то, чтобы мы только то и делали, что печалились беспричинно. Но стоит задуматься над своей беззаботностью, загрустить из-за этого и попробовать избавиться от беззаботности, прибегнув к полезному делу. Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу.

Только слабые духом могут закрыться в себе, впад в горькие размышления, не находя утешения.

<...> Жить хитростью, плутовством, угодничеством – судьба бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами» [1, с. 39-40].

Или вспомним исполненные горести слова Абая в начале его «Назиданий», в «Слове первом»:

«Хорошо ли я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах пришел к пожилому возрасту, обессилев, пресытившись всем, обнаружив брэнность и бесплодность своих дел, убедился

в униженности своего бытия. За что теперь взяться, как прожить остаток жизни? Сбивает с толку то, что не нахожу ответа на свой вопрос.

Управлять народом? Нет, народ неуправляем. Пусть эту тяжесть взвалит на себя тот, кто возжелает приобрести неизлечимую хворь, или пылкий юноша с пламенным сердцем. А меня храни Аллах от непосильной ноши.

Или умножать стада? Нет, не стоит заниматься этим. Пусть дети выращивают скот, если у них есть потребность. Не буду омрачать остатки дней своих, присматривая за скотом на радость проходимцам, вора и нищим.

Прибегнуть к науке? Как постичь науку, если не с кем словом разумным перебраться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты ткани, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью.

А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения. Ни в душе, ни в жизни не ведаю покоя, уж какое благочестие среди этих людей, в этом краю!

Воспитывать детей? И это мне не под силу. Воспитывал бы, да не ведаю, как и чему учить. Какому делу, с какой целью учить, для какого народа воспитывать их? Как наставить, куда направить, когда сам не вижу, где бы дети могли приложить свои знания? И здесь не нашел я себе применения» [1, с. 31-32].

Отмечаем удивительное созвучие размышлений украинского мыслителя, Ивана Франко, с горькими раздумьями мыслителя казахского. Оказывается, на грани XIX–XX вв., несмотря на существенно отличающиеся условия жизни, формы хозяйствования, уровень образованности и культуры, перед украинцами и казахами стояли почти одинаковые задачи: национально-этнической самоидентификации и консолидации, широкого образования и просвещения с целью приобщения к лучшим духовно-культурным и материальным свершениям человечества, формирования жертвенности ради общих идеалов и интересов, самоотверженного труда для национального блага даже в те моменты, когда от бессилия и безнадежности опускаются руки. Слова Абая и Франко были теми лекарствами, которые крайне необходимо дать больному обществу, какими бы горькими они ни были. Потому что эти лекарства – путь к оздоровлению нации.

Прошло почти столетие, а история создала такие причудливые петли, что едва ли не те же самые задачи стоят сейчас во всей остроте перед казахским и украинским обществами – единение, приобщение к духовным, культурным, материальным ценностям человечества ради утверждения собственного государства и формирования монолитной политической нации.

Идеи и призывы Франко нашли свое продолжение и реализацию в Ноябрьском действе во Львове и Украинской революции 1917–1921 гг. Учениками Абая и его последователями, популяризаторами наследия стали деятели партии Алаш-Орда, которые строили независимый Казахстан на протяжении 1917–1921 гг. Прежде всего нужно вспомнить Алихана

Букейхан(ов)а, создателя и лидера этой партии и близкого родственника Абая Кунанбаева. Букейханов лично неоднократно слышал поэтические (и не только) выступления Абая, имел доступ к его рукописям после смерти поэта, который произвел значительное влияние на становление политического лидера Алаш-Орды. В свою очередь, Алихан Букейхан, автор многих статей об Абае, его некролога, первый публикатор его произведений в 1909 г. фактически стал зачинателем абаеведения. Именно в издании 1909 г., под редакцией А. Букейханова, в петербургской типографии татарского предпринимателя и издателя Ильи Бураганского впервые перед широким казахским и тюркским читателем предстали лирические произведения Абая. Уже в 1918 г. к читателям пришли его «Назидания», хотя в рукописях они, в разном объеме и составе, распространялись среди казахов в степи и в поселениях.

Сплочение нации, создание устойчивой общности на основе общечеловеческих и этнических ценностей, ее модернизация, просвещение в соответствии с завоеваниями экономики, политики, культуры того времени – одна из ведущих составляющих «Книги Слов» Абая Кунанбаева, очевидно, самый важный ее мотив. Но не единственный. Ибо «Назидания» являются многогранными, многоаспектными, итоговой концентрацией жизненного опыта и размышлений наставника казахского народа. На казахском языке произведение Абая называется «Гаклия» – это специфический жанр философских размышлений-наставлений, создателем которого и стал казахский литератор. При переводе на украинский язык слово «гаклия» имеет много значений и оттенков, которые не отрицают, а только дополняют друг друга: «настанови», «повчання», «напуття», «напучення»... Среди этого широкого спектра значений для изданной в Украине и на украинском языке книги было подобрано как наиболее соответствующее слово «Напучування», хотя оно не перечеркивает, а включает все другие приведенные аналоги к емкому слову «гаклия».

Все приведенные значения содержат в себе элементы дидактики, поучения. В отдельных из сорока пяти Слов «Напучувань» этот поучительный аспект и в самом деле звучит достаточно сильно и четко. Например, в «Слове тридцать седьмом» Абай приводит 23 пронумерованных коротких универсальных совета-назидания, как себя вести в тех или иных классических ситуациях, как выстраивать отношения с другими людьми, какие цели ставить себе в качестве приоритета в жизни и т.д. Но в большинстве случаев «Слова» – это размышления художника слова и мыслителя, который не только для других, но и для себя определяется в приоритетах, высказывает аргументы и контраргументы, сомневается и утверждает.

Создается впечатление, что автор «Назиданий» общается то ли с самим собой, то ли, скорее всего, с воображаемым собеседником-казахом. Только не с тем казахом, который представляет большинство ретроградных, жадных, чванных, зазнавшихся, бескультурных и необразованных соотечественников, а с тем воображаемым, идеальным казахом, который утоляет тягу к знаниям, к культуре, к открытости миру, к самоотверженному труду на благо родного казахского общества и всего человечества. Поэтому Абай делится с таким

соотечественником, за которым будущее Казахстана, своими самыми сокровенными мыслями и сомнениями, прописывает свой путь к весомым достижениям и духовно-культурным открытиям, чтобы они сразу были доступны для казахов, чтобы они не проходили тот же самый, что и он, тяжелый и часто болезненный путь интеллектуально-эмоциональных поисков, не сбивались на окольные пути.

Стремление передать современникам и особенно последователям весь свой интеллектуальный, духовный и душевный опыт проявляется даже в том, что Абай излагает для земляков основы ислама. Эти основы должны бы преподавать верующим священнослужители, однако они сосредотачиваются на внешних, формальных аспектах вероучений. Для писателя же намного важнее раскрыть сущность, идеологию ислама, в котором не последнее место отводится и Науке, акцентируется на том, что обрядовое исполнение предписаний без искренней, осмысленной веры является умертвляющим. Поэтому, даже описывая отдельные обряды, последовательность их исполнения, Абай обязательно объясняет их происхождение, сущность и символику.

Это очень важно, неопределимо для простых мусульман, которые за повседневными хлопотами сбиваются на формальную инерцию. Однако «Назидания» имеют непреходящее значение для каждого человека независимо от его этнической принадлежности или вероисповедания. Не кем, а каким быть, искать смысл собственного бытия, не останавливаться в духовно-интеллектуальном поиске, не сторониться сложных проблем, быть максимально открытым с собой и с другими людьми, перенимать сомнения для того, чтобы одолевать их, и потом рождать новые сомнения, беспокоить других и себя горькой, неприятной, но правдой, не беспокоясь, нравишься ли ты сообществу, – вот основные назидания, поучения, «напучування» Абая, которые помогут каждому читателю найти в себе Человека, быть Человеком.

Источники и литература

1. Кунанбаев А. Напучування: Книга Слів / переклад М. Васьківа. Київ: АВІАЗ, 2020. 160 с.
2. Кунанбаев А. Поезії / Абай Кунанбаев. Київ: Дніпро, 1974. 183 с. (Перлини світової лірики)
3. Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах. Т. 31. Київ: Наукова думка, 1979. С. 28-32.

Васьків Микола, Київ, Україна

«ПРО ЩО ГОВОРИТИ З ЛЮДИНОЮ, ЯКА НЕ ЗНАЄ ЦІНИ СЛОВА?»: ВИДАННЯ «НАПУЧУВАНЬ» АБАЯ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

У статті дається коротка інформація про переклади творів видатного казахського поета другої половини ХІХ – початку ХХ століть Абая Кунанбаєва і докладно характеризується зміст книги з перекладом його прозових «Напучувань» українською мовою. Аналізуються стаття Т. Масенка «Життєвий подвиг Абая Кунанбаєва» (1954),

висловлювання відомих письменників і вчених України про Абая і його творчість, зокрема – про «напучування», нарративні та жанрові особливості та основні мотиви цього твору. «Напучування» казахського поета, його думки порівнюються з творами і роздумами визначного українського поета І. Франка, вводяться в контекст української та казахської історії на рубежі XIX–XX століть і сучасних завдань, що стоять перед Україною і Казахстаном.

Ключові слова: Абай Кунанбаєв, «Напучування» («Гаклія»), Іван Франко, нація, есеїстика, переклад.

Vas'kiv Mykola, Kyiv, Ukraine

«WHAT IS THERE TO TALK ABOUT WITH SOMEONE WHO DOES NOT KNOW THE PRICE OF A WORD?»: PUBLICATION OF ABAY'S «THE BOOK OF WORDS» IN UKRAINIAN LANGUAGE

The article provides brief information on translations of works by Abay Kunanbayev, a prominent Kazakh poet of the second half of the 19th and early 20th centuries, and describes in detail the content of the book including translations of his prosaic «The Book of Words» into Ukrainian language. The article by T. Masenko «Life feat of Abay Kunanbaev» (1954), statements of prominent writers and scientists of Ukraine about Abay and his work, in particular - about «The Book of Words», narrative and genre features and main motives of this work is analyzed. The «The Book of Words» of the Kazakh poet and his thoughts are compared with works and thoughts of the outstanding Ukrainian poet I. Franko and are placed in the context of the Ukrainian and Kazakh history of the turn of the XIX-XX centuries and modern challenges facing Ukraine and Kazakhstan.

Keywords: Abay Kunanbayev, «The Book of Words» («Gaklia»), Ivan Franko, nation, essayistics, translation.

УДК 821

Ананьева С.В.
Алматы, Казахстан

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АБАЯ КУНАНБАЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЛОГА КУЛЬТУР

Важность и востребованность художественного перевода в современном мире подтверждают публикации, научные исследования и форумы последних лет, провозглашающие основным фактором современного культурно-исторического развития стремление национальных литератур к межкультурному диалогу и взаимодействию. В XXI веке роль и значение художественного перевода усиливаются, что рассмотрено в данной статье на примере новых переводов произведений великого Абая на языки народов мира. Феномен Абая, призывавшего к национальному единству, совершенствованию личности, осмысливается представителями разных школ и поэтических направлений Востока и Запада.

Ключевые слова: художественный перевод, языковое поле, национальная литература, полисистема, взаимодействие культур, диалог, компаративистика.

Творчество Абая Кунанбаева – феноменальное явление мирового литературного процесса. Каждый из нас открывает Абая самостоятельно. Произведения Абая звучат на многих иностранных языках. Жить – значит «переводить с языка одной национальной культуры на язык другой, с языка одной исторической эпохи на язык другой... Всех видов перевода – из